

«ОДИССЕЯ» ЖУКОВСКОГО: НЕСКОЛЬКО МЫСЛЕЙ О ТВОРЧЕСКОМ МЕТОДЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Григорий Геннадьевич Стариковский

Ramsey High School / Montclair State University, New Jersey, USA

e-mail: gstarikovsky@gmail.com

Аннотация. Перевод «Одиссеи» В.А. Жуковского (1849) часто рассматривают как поэтический текст, не всегда воссоздающий смыслы и образы оригинальной поэмы. Текст Жуковского действительно насыщен всевозможными переводческими вольностями. Однако при внимательном прочтении текста становится очевидным, что Жуковский, переведивший по подстрочнику, сознательно отклоняется от гомеровского текста, следуя принципам «романтического» перевода. Для полного понимания задач, которые ставил перед собой Жуковский, предпринята попытка проанализировать и систематизировать ряд отклонений от оригинального текста на примере пятой и шестой песен «Одиссеи».

Ключевые слова: перевод, Жуковский, Одиссея, рецепция перевода, романтическая поэзия.

1

Наблюдения, здесь представленные, накопились в ходе работы над переводом «Одиссеи». Начиная переводить Гомера, я старался не думать о предшественниках, тем более что сознательно отказался от гекзаметра и – как мне казалось – от необходимости копаться в переводах Жуковского и Вересаева. После выхода перевода четырех песен «Одиссеи» (2015) и в процессе дальнейшей работы над поэмой оказалось, что прежние переводы читать необходимо, хотя бы ради того, чтобы избегать повторов, искать новые переводческие решения. Перевод Жуковского показался особенно интересным отчасти из-за тончайшего переводческого слуха, которым обладал Жуковский, владевший русским гекзаметром в числе очень немногих переводчиков, отчасти из-за триумфальной рецепции перевода среди читателей на протяжении многих поколений. Чем больше занимаюсь «Одиссеей», тем больше осознаю, что современный переводчик «Одиссеи», хочет он того или нет, соперничает с одним из самых мастеровитых поэтов в истории русской литературы. При таком соперничестве быть вторым – или третьим – большая победа.

2

Аналитическое прочтение перевода «Одиссеи» Жуковского сопряжено с поисками ответов на следующие три вопроса:

1. Насколько данный перевод «верен» оригинальному тексту?

2. Если перевод отстает от оригинала, то каковы основные механизмы таких отступлений? При ответе на этот вопрос имеет смысл оставить обсуждение этической подоплеки переводческих вольностей за рамками анализа, особенно в случае «Одиссеи» Жуковского (1849), которая глубоко укоренилась в русской культуре и до сих пор является для многих читателей **актуальным** текстом [Ярхо].

3. Насколько отступления от текста сохраняют общий смысл оригинала, т.е. какова степень искажений, привнесенных переводчиком?

3

Попытаемся ответить на эти вопросы на примере пятой и шестой песен «Одиссеи». На первый вопрос – о верности оригиналу – ответов, на самом деле, два:

а) Жуковский подчас усердно воспроизводит исходный текст, вернее смыслы, заданные «трехслойным» немецким подстрочником, которым пользовался переводчик, не владевший древнегреческим [Ярхо]. По словам С.С. Аверинцева, «точности на разных уровнях, и смысловой, и художественной, но и самой простой, дословной, “буквалистской”, у Жуковского... поразительно много» [Аверинцев];

б) перевод Жуковского не всегда сохра-

няет верность гомеровской «Одиссее». При сличении перевода с оригинальным текстом становится очевидным, что в некоторых местах переводчик отстывает (порой ощутимо) от подстрочника.

Такая двойственность (следовать за оригиналом, перелицовывая отдельные пассажи и образы) является особенностью этого перевода.

4

Когда переводчик считает гомеровский образ недостаточно высвеченным, слишком неброским, он вычлняет главные, по его мнению, смысловые элементы, а потом «разбавляет» оригинал, используя амплификацию (плеоназм). Эффект дублирования смысловых элементов часто приводит к повышению эмоционального уровня исходного текста. Хотя такая амплификация встречается и в оригинальном тексте, Жуковский использует плеоназм с большей интенсивностью. Помимо амплификации, Жуковский вводит в перевод внутривстрочное комментирование, особенно когда переводчику важно прояснить смысл оригинала, сделать его доступным для понимания. Попробуем проиллюстрировать сказанное на примере отрывков из пятой и шестой песен «Одиссеи».

В начале шестой песни (6.15) Афина входит в спальню Навсикаи. Жуковский переводит: «В тайную девичью спальню проникла она [Афина]...». «Она вступила в богато укра-

шенную спальню, в которой спала девушка» и т.д. – так в оригинале. Жуковский опускает определение «богато украшенная» (о пропущенных эпитетах см.: [Ярхо]), но возмещает пропуск благодаря локализации спальни Навсикаи во дворце Алкиноя. Переводчик вводит прилагательное «тайный» в значении ‘отдаленный’ / ‘сокрытый от взглядов’, при этом вольность с эпитетом «тайный» можно объяснить как не вовсе неуместную попытку подчеркнуть оберегаемую девичью честь Навсикаи. Здесь интересна комбинация внутривстрочного комментирования («девичья спальня») и смыслового плеоназма («спальня тайная»). Чуть позже, в шестой песне, Жуковский говорит об Алкиное: «сидя, вином утешается, светлому богу подобный» (Гомер: «сидя, он пьет вино, подобно бессмертному» 6.309). Переводчик привносит в текст, казалось бы, неловкий эпитет «светлый», взявшийся неизвестно откуда (ср.: «кто-то светлый к нам летит» из «Таинственного посетителя»). В «Одиссее» Жуковского определение «светлый» применимо к нимфам Цирцее и Калипсо (ср.: 1.14, 10.394): так, не блестяще он переводит существительное *λότνια* («владычица», «госпожа»). Когда переводчик говорит «о светлом Алкиное», он тем самым подчеркивает квазидеожественный статус царя феаков, а тот факт, что Алкиной «утешается» вином (в оригинале «пьет вино»), повышает эмоциональную составляющую этого образа. Таким образом, если Гомер

сравнивает Алкиноя с богом один раз, Жуковский дважды акцентирует величие Алкиноя, расширяя семантическое поле гомеровского сравнения за счет глагола «утешается». Чуть ранее об Арете, супруге Алкиноя, сказано, что она «выпрягает пряжу цвета морского пурпура, чудную на вид (или «чудо для того, кто смотрит»)» (6.306). Жуковский переводит: «С чудным искусством прядущую тонкопурпурные нити». Переводчик дважды подчеркивает мастерство Ареты («с чудным искусством», «тонкопурпурные»), но при этом несколько затуманивает оптику «Одиссеи»: в шестой песне гомеровское «загляденье (чудо) *на вид*» как бы позволяет Одиссею взглянуть на происходящее во дворце Алкиноя глазами Навсикаи, которая объясняет Одиссею, как проникнуть во дворец, чтобы просить царицу об отправке на родину. Жуковский уделяет основное внимание качеству пряжи, восполняя скупое описание Гомера. Из трех приведенных выше примеров видно, как Жуковский работает с текстом: переводчик высвечивает главное (по его мнению) и проясняет высвеченное, дублируя смысловые элементы, при этом, даже при повышении эмоционального накала, не происходит значимых отклонений от основных смыслов гомеровского текста: Навсикая щепетильно оберегает свою репутацию; Алкиной обладает высоким статусом царя феаков, которые находятся в родстве с бессмертными; феакийские ткани действительно сделаны

«с чудным искусством».

Жуковский использует внутрискочное комментирование, когда переводчику важно прояснить смысл оригинала. Приведем пример. В начале пятой песни Афина просит Зевса позаботиться об Одиссее. Если об Одиссее забудут, тогда:

Каждый [царь] пускай притесняет людей, беззаконствуя смело, –
Если могли вы забыть Одиссея, который был добрым,
Мудрым царем и народ свой любил, как отец благодушный...

(5.10–12)

Выделенные места представляют особый интерес. У Гомера в строке 10 ничего не говорится о «притеснении людей», хотя оригинальный текст и подразумевает жестокость, суровость, несносность (*χαλερός*). Жуковский проясняет одиноко стоящее прилагательное: теперь это не просто жестокий властитель, он жесток *по отношению к своему народу*. В последней строке отрывка переводчик снова объединяет властителя и народ: «мудрый царь, любящий свой народ». В оригинале об Одиссее сказано, что «он правил народом как добрый отец». Жуковский усиливает образ, наделяя своего царя «мудростью» и фактически переводя гомеровский эпитет «добрый» трижды: «добрым» (11), «любил» (12) и «благодушный» (12). Привнесенная извне «мудрость» Одиссея созвучна содержанию поэмы: мудрость является одним из основных качеств главного героя. Развивая образы, почерпнутые в подстрочнике, Жуковский не

обходится без искажений. Слова «Царь, любящий свой народ» имеют мало общего с текстом Гомера, зато имеет прямое отношение к мировоззрению самого Жуковского. По словам И. Виноцкого, «мысль о необходимости союза Монарха с Народом является одной из заветных идей Жуковского» [Виноцкий, с. 252]. Неслучайно переводчик, перелагая заключительные строки «Одиссеи», развивает Гомера в том же духе:

Скоро потом меж царем и народом союз укрепила...

Светлая дочь Громовержца, богиня Афина Паллада

(24.546, 548).

Возможно, слова «*меж царем и народом союз*» подсказаны Жуковскому переводом Александра Поупа («So Pallas spoke: The mandate from above // The king obey'd. The Virgin-seed of Jove // In Mentor's form, confirm'd the full accord, // And willing nations knew their lawful Lord»), но не так уж важно, какой перевод повлиял на Жуковского. Важно то, что переводчик акцентирует смысловую общность между концовкой поэмы и «мудрым» отношением Одиссея к своим подданным в пятой песне. Отдадим должное мастерству переводчика: Жуковский бывает последователен там, где перевод отстает от исходного текста.

5

Попытки прояснить или амплифицировать Гомера нередко приводят к искажению

базовых смыслов гомеровской поэмы. В пятой песне Калипсо заканчивает свое обращение к Одиссею такими словами:

Правда святая и мне дорога; не железное, верь мне,

Бьется в груди у меня, а горячее, нежное сердце (5.190–91).

У Гомера Калипсо говорит: «Сердце в моей груди не железное, но склонное к жалости» (5.191). Интенция Жуковского очевидна: лапидарность оригинала не устраивает переводчика, и он пытается разбавить «Одиссею» вставками вроде «верь мне», «бьется (в груди)», а также эпитетами «горячее» и «нежное», но, расширяя смысловое поле (казалось бы, логичный подход: если сердце не «железное», почему бы ему не быть «горячим» и «нежным?»), Жуковский упрощает сложный характер нимфы; он фактически навязывает читателю новоиспеченную героиню. Вспомним, что Калипсо отпускает Одиссея нехотя, только тогда, когда к ней является Гермес и передает приказ Зевса. Калипсо у Гомера действительно говорит о жалостливости, однако в устах Калипсо, которая не отправила бы Одиссея в плаванье, если бы не визит Гермеса, эти слова звучат как издевка. Калипсо – хитрая, изворотливая героиня, похожая на другие женские персонажи «Одиссеи» (Елена, Клитемнестра), да и на самого главного героя. В переводе Жуковского такие важные для понимания Гомера нюансы пропадают; сложный персонаж Калипсо превра-

щается в сердобольную замоскворецкую те-тушку. Да и первая половина строки 190 сбивает с толку («Правда святая и мне дорога»). Здесь Жуковский отступает от смысла оригинала (Гомер: «ведь и я обладаю справедливым рассудком»). Переводчик, очевидно, пытается повысить эмоциональный накал речи Калипсо, однако результат получается прямо противоположный. Нимфа вдруг стала изъясняться на языке Александра Семеновича Шишкова.

В той же песне в разговоре с Гермесом Калипсо говорит о своем отношении к Одиссею (по версии Жуковского):

Здесь приютивши его и заботясь о нем, я хотела
Милому дать и бессмертье и вечно-цветущую младость.

(5.135–6).

Близкий к тексту перевод прозвучал бы по-другому: «Я ласково приветила его, заботилась и обещала, что сделаю его бессмертным и никогда не стареющим». Жуковский переводит глагол φιλέω (в данном случае «ласково привечать») дважды, сперва глаголом «приютить», а потом в следующей строке прилагательным «милому». Казалось бы, рутинная амплификация, если бы не искажение смысла. Нигде в тексте Гомера Калипсо не называет Одиссея «милым». Жуковский в духе романтической поэзии излишне подчеркивает чувственность нимфы, которая, если и любит Одиссея, то старательно скрывает свои

чувства. Неудачной следует назвать и перелицовку второй половины строки 136. Гомер пишет о том, что, если Одиссей примет посулы Калипсо, он никогда не состарится, т.е. его возраст останется неизменным. Жуковский заменяет старость на «вечно-цветущую младость», видимо, позабыв, что главный герой давно вышел из возраста, соответствующего «цветущей младости».

6

В пятой песне, когда Одиссей, наконец, добирается до устья реки, Бог речного потока позволяет ему достичь берега. Одиссей оказывается на суше. Вот как переводит этот пассаж Жуковский:

.... Но под ним подкосились колени; повисли
Руки могучие: в море его изнурилось сердце;
Вспухло все тело его; извергая и ртом и ноздрями
Воду морскую, он пал, наконец, бездыханный, безгласный,
Память утратив, на землю; безчувствие им овладело (5.453–7).

Оригинальный текст можно разбить на следующие составные части: 1. он согнул колени и мощные руки; 2. потому что его сердце было укрощено морской солью; 3. все тело (вся кожа) распухло; 4. морская вода хлынула изо рта и из ноздрей; 5. он лежал бездыханный, безгласный, обессиленный; 6. ведь наступило ужасное изнурение. Видно, как работает Жуковский: в строках 455–7, объединяя части сложноподчиненного предложения

и отказываясь от гомеровского паратаксиса, он создает монолитный образ обессиленного героя. Оживляя и усложняя синтаксис, переводчик рискует отмежеваться от поэтики Гомера. В греческой поэме каждый последующий образ наслаивается на предыдущий; все части паратаксиса обладают одинаковым «правом голоса».

Жуковский подчеркивает страдания Одиссея. «Повисшие руки» «подкосившиеся колени» – образ, вызывающий большую симпатию, чем несколько отстраненное «он согнул колени и мощные руки». В оригинале Одиссей остается лежать, а не падает, как у Жуковского; лежит он «обессиленный», а не «обеспамятевший», и овладевает им не «бесчувствие», а «изнурение». Жуковскому интересен внутренний мир героя, поэтому, описывая физическое состояние Одиссея, переводчик позволяет себе вносить коррективы, говорить об «обеспамятевшем» и «лишенном чувств» Одиссее. Сам Гомер не касается внутреннего мира своего героя, о его страданиях говорит именно порядок действий / состояний Одиссея в паратаксисе. Герои перевода Жуковского принадлежат миру чувств. Неслучайно в пятой песне перевода плачущий Одиссей запечатлен таким образом:

Он одиноко сидел на утесистом бреге, и очи
 Были в слезах; утекала медленно капля за каплей
 Жизнь для него в непрестанной тоске по отчизне; и, хладный
 Сердцем к богине... (5.151–154).

Гомер описывает Одиссея более скупой: «Она нашла его сидящим на берегу, и глаза его не высохали от слез, а сладостная жизнь утекала у [него] тоскующего о возвращении; ведь нимфа никогда не нравилась ему» (пер. О. Савельевой). Переводчик расцветчивает текст (в большой степени за счет плеоназмов «в слезах», «капля за каплей»), одновременно повышая эмоциональную насыщенность и общую торжественность интонации («медлительно», «в непрестанной тоске», «хладный сердцем») [Савельева, с. 341–342], таким образом, заставляя Одиссея испытывать интенсивные чувства, несопоставимые с переживаниями героя гомеровской поэмы.

Литература

Аверинцев С.С. Размышления над переводами Жуковского // Сб. Жуковский и литература конца XVIII–XIX вв. М., 1988. С. 251–275.

Гомер. Одиссея. Песни IX–XII. Пер. с древнегреческого Г. Стариковского. Чикаго: Bagriy & Company, 2015.

Виницкий И.Ю. Дом толкователя: поэтическая семантика и историческое воображение В.А. Жуковского. М.: НЛО, 2006. 328 с.

Савельева О.М. В.А. Жуковский – поэт и переводчик Гомера // Музы у зеркала. Античные мотивы в русской литературе. Сб. статей. Научное издание. М.: Новый хронограф, 2015. С. 335–350.

Ярхо В.Н. В.А. Жуковский – переводчик

«Одиссеи» // Гомер. Одиссея. Пер. В.А. Жуковского. М., 2000. С. 230–346.

References

Averintsev, S.S. (1988). *Razmyshleniya nad perevodami Zhukovskogo* [Contemplation on Zhukovskii's Translations]. In collection of papers: *Zhukovskii and the literature of the end of the XVIII and XIX centuries*. Moscow: Nauka, 251–275.

Homer (2015). *Odisseya* [The Odyssey]. Books IX–XII (G. Starikovskiy, Trans.). Chicago: Bagriy & Company.

Vinit'skiy, I.Y. (2006). *Dom tolkovatelya: poet-*

icheskaya semantika i istoricheskoye voobrazheniye V.A. Zhukovskogo [The house of an exegete: V.A. Zhukovskii's poetic semantics and historical imagination]. Moscow: NLO.

Savel'yeva, O.M. (2015). V.A. Zhukovskii – poet i perevodchik Gomera [V.A. Zhukovskii – poet and translator of Homer]. In collection of papers: *Muses at the mirror. Antique motives in Russian Literature*. Moscow: Novyy khronograf.

Yarkho, V.N. (2000). V.A. Zhukovskii – perevodchik «Odissei» [V.A. Zhukovskiy – translator of the “Odyssey”]. *The Odyssey* (V.A. Zhukovskii, Trans.). Moscow: Nauka.

ZHUKOVSKIĬ'S ODYSSEY: SOME THOUGHTS ON THE TRANSLATOR'S METHOD

Grigory Starikovskiy, Ph.D., Teacher at Ramsey High School and Mythology at Montclair State University, New Jersey, USA.

Abstract. Zhukovskii's translation of the *Odyssey* (1849), which is still very popular among Russian readers, is often considered a rather loose rendition of the original text. Zhukovskii indulges himself in multiple digressions in sporadic interpretations of the Homeric *Odyssey*. Yet a careful reading of Zhukovskii's translation leads to the conclusion that the poet-translator intentionally digresses from (or supplies interpretations of) the source text, largely following the Romantic translation theory. This study attempts to analyze and systematize such digressions and interpretations (on the basis of the *Odyssey*, Books 5 and 6) in an attempt to comprehend Zhukovskii's craftsmanship.

Key words: translation, Zhukovskii, *Odyssey*, reception of translation, Romantic poetry.

